РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Как не протянуть ноги, не протягивая руку

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

— Вы должны знать, имидж материален,— сказал банкир Волошин, пристально глядя на меня.

Он президентствует в ФИА-банке, это в городе Тольятти. Мы сидим в большом кабинете, и я все выпытываю, зачем это банкир тесно дружит с Общественным фондом Тольятти (ОФТ). Так тесно, что даже создает ему капитал. Собственно, из-за этого капитала я и приехал. Никакого капитала у наших благотворительных фондов нет и не предвидится. Даже у самых крупных. Желание иметь есть, а капитала нет. Спросите у любого почему, и вам скажут: Налоговый кодекс не способствует.

Ъ *По закону РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» ОФТ вправе привлекать ресурсы и вести внереализационные операции. Он может иметь в собственности денежные средства, ценные бумаги и совершать с ними любые сделки, не противоречащие законодательству РФ, в том числе распределять пожертвования благотворителей согласно их пожеланиям.*

А в Тольятти, стало быть, способствует?

Исполнительный директор фонда Борис Цирульников сидит рядом с нами и скромно помалкивает.

ОФТ существует пять лет. Для всех в городе он фонд благотворительный, что правда. Борис Цирульников, впрочем, считает, что на самом деле занят бизнесом, и это тоже правда. Все, что он делает, вполне подпадает под определение «сервис». Новый вид сервиса — благотворительный. Причем новый не только для Тольятти. Ничего подобного в России, в сущности, еще нет. Внешне это выглядит так. Банки и заводы перечисляют деньги в ОФТ, фонд организует на них грантовые конкурсы, и так финансирует лучшие социальные проекты.

Чужие финансы сами, понятно, в фонд не текут. Господин Цирульников практикует несколько способов отъема денег на богоугодные дела. Вот один из них. Становится известно, что банкир Волошин хотел бы вкладываться в молодежную тему. ОФТ предлагает образовать у себя на счету именной фонд банка для решения молодежных проблем. Они ударяют по рукам, а дальше все просто. На деньги банка ОФТ организует стипендиальные конкурсы, спортивные матчи школьников, учебные олимпиады и даже праздники пива в продвинутом ночном клубе «Пирамида».

Участников десятки тысяч, и в рейтинге узнаваемости банков у ФИА-банка третье место среди 18 конкурентов. А у горожан до 25 лет ФИА-банк вообще лидирует с большим отрывом.

Вот тут-то банкир Волошин и сказал насчет материальности имиджа. «Молодежь — это завтрашние клиенты,— объяснил он,— и мы закладываемся в бесконечность».

Деньги еще восьми именных фондов крутятся на банковском счету ОФТ. Живет фонд на отчисления от таких вот сборов. Но его директору отчислений мало, он хочет капитал и часть отчислений капитализирует. Ему помогают дружественные банки. В ходу векселя, а ФИА-банк открыл ему субординированный депозит на 25 лет. Сейчас капитал около 7 млн рублей. Но партнеры все прибывают, и Борис рассчитывает вскоре иметь 100 млн. Ясно, зачем ему капитал. Это устойчивость, новый статус и расширение бизнеса. Самое удивительное, ровно этого же хочет для него и банкир Волошин. Сильный ОФТ выгоден банкиру.

Но ничего же принципиально нового господин Цирульников не делает! Ну кроит из филантропии маркетинговые ходы для бизнеса. Ну красив, даже очень, его ежегодный финальный ход: вместе с властями и городской торгово-промышленной палатой он устраивает бал. Собираются лучшие люди, и мэр при этом честном народе объявляет итоги конкурса «Благотворитель года». Десять номинаций, цветы, дипломы, статуэтки, аплодисменты, танцы, фуршет, пресса. Словом, все как у людей. Но где же тут новизна?

Больше того, приемы Цирульникова еще 90 лет назад были известны в США, а в мире его технология называется community foundations (фонды местного сообщества). Эти фонды делают благотворительность профессиональной сферой, объединяют деньги доноров, добиваясь решения обычных социальных проблем. Дело настолько выгодное всем — местной власти, бизнесу, общественникам и в целом гражданскому обществу,— что годовые обороты этих фондов только в США оцениваются в миллиарды долларов.

То есть всем все давно известно. Но вот что занятно: ОФТ в России уникален. Девять лет западные фонды, прежде всего британский CAF (один из учредителей ОФТ), «ценой неимоверных человеческих и финансовых усилий» прививают нам community foundations. Но удалось пока мало. В столице, к слову, есть фонд «Московский благотворительный резерв», но он скорее мертв, чем жив. И в столицах субъектов РФ community foundations не приживаются.

Почему? У меня есть версия. «Московский благотворительный резерв» был хорош пару лет назад. Потом исчезли льготы, и сотни фондов приказали долго жить. А объемы филантропии не сократились, наоборот, растут. Поменялась их структура, бизнес стал осмотрительнее, руководствуется лишь своими предпочтениями. И надо понять этот новый интерес и мотивы филантропов.

Борис Цирульников «попал в мотивацию». Власть считает его фонд «фантастической оптимизацией бюджетных расходов на социалку». На рубль из бюджета Борис получает 10 рублей благотворительных. А бизнес доволен позитивным образом, который ему создает фонд. И все вместе они отдыхают от тысяч ходоков. Для ходоков есть ОФТ, где всех построят, затеи отцедят, отрецензируют и отправят на конкурс. Любовь у власти, бизнеса и фонда идет по нарастающей и делает каждого сильнее. Два года назад эта тройка пролоббировала местный закон о налоговых льготах филантропам. А на этой неделе АвтоВАЗ, который здесь царь и бог и который пять лет присматривался, перечислил в ОФТ первые 2 млн рублей.

Сейчас Калининград регистрирует свой аналог ОФТ. Учредительные документы готовил Борис Цирульников. «Представляешь перспективу?! Там же выход к международным партнерам Тольятти!», — говорит мне Борис на абсолютном серьезе. Черт его знает, может, и впрямь получится? «А почему бы тебе сначала не присоединить к Тольятти Москву?» — спрашиваю я его.

А будет ли мальчик?

Кто услышит глухого Кирюшу Соколова

В родном городе Иванове для Кирюши Соколова не найти $23 500 на операцию ФОТО СЕРГЕЯ НАСОНОВА (ИВАНОВО)

Доктор Алексей Бородин видит два десятка таких детей в год. Менингит, антибиотики, глухота то ли от менингита, то ли от антибиотиков. Немота от глухоты или едва различимый лепет. Слуховые аппараты не помогают. Родителям таких детей доктор говорит, что надо делать кохлеарную имплантацию, вживление электрода в улитку, которая не червяк, а область внутреннего уха. После этого люди идут искать деньги на операцию, которую делает хирург из Братиславы, и на электроды, которые привозят из Инсбрука. Времени у них на поиски год-два. Но у трехлетнего мальчика Кирилла Соколова нет ни двух лет, ни года, ни даже нескольких месяцев. У него эта самая улитка зарастает день ото дня. И скоро электрод вживить будет нельзя. И может быть, это зацепило доктора Бородина.

Доктор рассказывает, что не помнит точно, как выглядит мальчик, не помнит, как мальчик вел себя на приеме — шалил ли или сидел у мамы на коленях тише воды ниже травы. Доктор помнит только, как делал мальчику компьютерную томографию или другое какое-то хитрое обследование под общим наркозом. И как доктору стало тогда совершенно ясно, что, кроме кохлеарной имплантации, ничто мальчику не поможет.

А мальчик спал. Доктор рассказывал его маме, что все, что она делала в своем богом забытом городе Иванове, все это подвиг, конечно, но все зря. А мальчик спал, а мама слушала и плакала. Когда ребенок подцепил в детском садике менингит, она выходила его, достала антибиотик гентамицин, который спасает от смерти, но провоцирует глухоту. Потом она заметила, что ребенок плохо слышит, потащила его делать аудиограмму, достала ему слуховые аппараты, сначала аналоговые, потом цифровые. Дорогие цифровые аппараты, на которые в лепешку надо разбиться, чтобы заработать денег в Иванове. Она нашла ребенку сурдопедагога, она добилась от ребенка, который ничего не слышит, не речи, конечно, но хотя бы лепета.

— Вы напрасно думаете,— говорит доктор,— что так поступала бы всякая мать. Я вижу много детей с подобными заболеваниями. Обычно люди ничего или почти ничего не делают.

А она узнала в своем Иванове про отоларингологическую группу в институте имени Бурденко, она добилась направления, она привезла ребенка в Москву на прием к доктору Бородину. Доктор обследовал ребенка, и теперь ребенок спит, а мама стоит и плачет.

Потому что она точно не найдет денег в своем Иванове на эту кохлеарную имплантацию. За те пару месяцев, которые у нее есть, точно не найдет.

А доктор Бородин стоит рядом с этой женщиной и чувствует себя виноватым. Потому что он тоже знает, что она точно не найдет в своем Иванове деньги. Это не он занес в ивановский детский сад менингококковую инфекцию, он только обследовал ребенка, поставил диагноз и сказал матери правду. Но он чувствует себя виноватым, потому что любой честный человек чувствует себя виноватым, если маленький ребенок заболел и оглох. Мама мальчика и доктор стоят совсем рядом с кроваткой, на которой спит после наркоза Кирилл Соколов трех лет. И разговаривают громко, не боясь разбудить мальчика.

Доктор знает, что нельзя принимать беды своих маленьких пациентов слишком близко к сердцу, потому что всех больных не вылечишь за свои деньги, а просто сойдешь с ума. Но тут он идет в ординаторскую и звонит в Братиславу профессору Профанту, и спрашивает, взялся бы профессор за такой сложный случай. И шлет профессору снимки по компьютерной почте, и профессор говорит, что взялся бы, хотя стопроцентной гарантии дать не может. Тогда доктор посылает письмо в Инсбрук в медицинскую компанию Med El и спрашивает, могли бы они предоставить специальные электроды для такой вот зарастающей улитки. Из Инсбрука отвечают, что да, могли бы предоставить.

Наконец, доктор говорит матери Кирилла Соколова, чтобы та написала письмо в Российский фонд помощи. Передо мной на столе лежит простодушный бледный факс, наверняка отосланный христа ради от какого-нибудь знакомого или просто с почты:

«Мы обращаемся с криком о помощи к людям, которые смогут понять нашу боль и безвыходность положения для нашей семьи. Просим вас оказать посильную помощь для Кирилла и помочь ему вернуться в мир, который так хочется слышать. Сейчас Кирюше три года. Он рос веселым и умным мальчиком. Он очень любит общаться с людьми...»

А внизу приписка: «Алексей Анатольевич (так зовут доктора), я не знаю, какой текст нужен для печати. Огромное спасибо! Юлия Соколова».

Такой, Юля, такой. Можно было даже написать от руки. Не думайте, будто людям наплевать на вашего мальчика. Доктор же звонил в Братиславу и в Инсбрук. Кто-то же отправлял вам этот факс.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Как помочь трехлетнему Кириллу

Кирюше Соколову (Ивановская обл.) нужна система кохлеарной имплантации Combi 40+ (производство фирмы Med El, Инсбрук, Австрия). Система состоит из двух частей. Компьютерный чип с электродом вшивается на всю жизнь, а наружная часть процессора для настройки имплантата в виде магнитной присоски диаметром 2 см крепится за ухом.

В мире эта технология возвращения слуха известна полтора десятка лет. По данным заведующего отоневрологической группой Института нейрохирургии имени Бурденко Дмитрия Капитанова (Москва), только в Европе сейчас сотни тысяч людей, спасенных от абсолютной глухоты. Эффективность системы весьма высока — совершенно оглохшему человеку возвращают 95–97% слуха. В России кохлеарная имплантация впервые проведена семь лет назад в Москве и Санкт-Петербурге. Из-за дороговизны имплантата ежегодно проводится не более 20–30 операций. Для сравнения: в Китае, сообщает господин Капитанов, этих операций проведено уже более 1000.

Стоимость системы Combi 40+ у производителя — $23 500. У московских поставщиков она обойдется уже в $28 000. Мы готовы сообщить счет и реквизиты австрийской фирмы Med El, если найдется читатель, который в состоянии помочь всей суммой. К сожалению, нам не удалось договориться с Med El о действии этого счета в качестве накопительного. Однако вы можете помочь Кириллу любой суммой — при такой солидной стоимости имплантата будет дорог каждый рубль. Мы открыли в Москве сберкнижку на имя Юлии Соколовой, мамы Кирилла, реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Людмила Лысикова, 27 лет, слепота, инвалид I группы, нужен компьютер с системой Windows по Брайлю. 55 300 руб.

С детства я больна сахарным диабетом, инсулинозависима. Пять лет назад диабет дал осложнение, и я ослепла. Сначала зависла, растерялась, не могла представить, как жить. А потом поняла: ничто еще не потеряно. Тьма не может поглотить живого человека. Наоборот, я стала чувствовать тоньше. Всю жизнь пишу стихи. Давно публикуюсь в местной газете и очень хочу там работать. Я могла бы надеяться на место штатного сотрудника, но со своими проблемами я пока не могу конкурировать на рынке труда. Нужен компьютер с программой «Jaws for Windows» по Брайлю. Его готово поставить Всероссийское общество слепых, но я не могу его выкупить даже по льготной цене (55 300руб.). Пенсия — 1100 руб. Мама — учительница. Отец работает на элеваторе за 1300 руб. Администрация района обещает мне должность секретаря с окладом 1200 руб. (справку высылаю). Но и для этой работы нужен компьютер. Позвольте рассчитывать на содействие вашего фонда. Это же единственная возможность найти место в жизни. *С благодарностью, Люда Лысикова, Орловская обл.*

Главный специалист районной администрации Людмила Украинская: «Людмила очень талантлива и будет толковым референтом. Я хорошо понимаю, что для нее работа и сама возможность зарабатывать. Но на компьютер денег у нас нет».

Мария Хмелевская, вдова, воспитывает племянницу-школьницу, безденежье. Нужны канцтовары и детская одежда.

Похоронила в марте мужа и осталась вдвоем с дочей. Ксюша мне, строго говоря, и не дочь, а племянница. Опекунство не оформлено — мою сестру не лишали родительских прав, хотя она совсем не занималась девочкой. С трех лет Ксюшка со мной. Вот уже в шестой класс пошла. Умница, старательная, учится без «троек». Своих детей у меня нет, и пока муж был жив, мы старались, чтоб Ксюша ни в чем не нуждалась. А сейчас я запаниковала. Я заведую складом областного драмтеатра. С зарплаты в 1800 руб. даже за квартиру не могу уплатить. Так и не собрала нынче девочку в школу — все дорого. Что ни учебник, то сотня. Книги очень дороги, а Ксюша любит читать. Вот сидим с дочей рядышком и читаем. Очень вас прошу, помогите! Стыдно сказать, ведь ей буквально не в чем ходить. *Мария Хмелевская, Читинская обл.*

Начальник отдела облсоцзащиты Сергей Павлов: «Мать Ксюши живет в другом районе, не работает, пьет. Хмелевская заботится о девочке неофициально, но ответственно. Живут вдвоем в однокомнатной квартире. Мебель старая, из бытовой техники лишь холодильник с телевизором, но оба вышли из строя. Задолженность по квартплате свыше 2 тыс. руб. Я прослежу, чтобы решился вопрос об опекунстве,. Им сейчас любая помощь лишней не будет».

Настя Яхно, 16 лет, грудной кифосколиоз IV степени, спасет операция в Новосибирском НИИТО. 195 516 руб.

Моя Настя с начальной школы ходит на лечебную физкультуру и в бассейн. У нее всегда был слабый позвоночник. Это наследственное — у меня тоже небольшое искривление. В 11 лет ее уже направляли на операцию в Новосибирский НИИТО, но как тогда, так, впрочем, и теперь денег нет. Но четыре года назад мы не знали, что есть ваш удивительный фонд, и никуда не ездили. А тут Настенька стала быстро расти. Искривление уже просто устрашающее. Спина очень болит, но дочь учится хорошо, справляется. Поет в хоровой студии, учится кружева плести. Старается помочь мне с уборкой, хотя ей это и трудно. Я вырастила ее одна, в браке не состояла. Живем в коммуналке. Я оператор ЭВМ на металлургическом комбинате, зарплата — 2500 руб. Пенсию Насте недавно повысили до 1400 руб. Ни подсобного хозяйства, ни иных доходов не имеем. Одна надежда, что вы найдете способ помочь нам. Ума не приложу, кого еще просить. *Марина Яхно, Кемеровская обл.*

Заведующий клиникой вертебрологии Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Деформация уже 90°. Позвоночник практически под прямым углом. Это злокачественный, быстро прогрессирующий сколиоз. Искривление продолжает увеличиваться, и вскоре у Насти будут сдавлены сердце и легкие. Сколиоз резко сократит ее жизнь».

Сергей Симонов, 16 лет, гнойный артрит тазобедренного сустава, спасет операция. 72 297 руб.

Сережа в прошлом феврале сломал руку. Под гипсом она опухла. Потом отказали ноги. Когда «скорая» увезла Сережу в больницу, мы решили, что страшное позади. Мы ошиблись. Сын умирал в реанимации, а врачи не знали, что с ним. Потом нашли заражение крови и двустороннюю пневмонию. Нас готовили к худшему. Но Сергей выжил! Правда, ноги обездвижены. Боли такие, что мальчик спать не мог. Наконец, ему удалили головку тазобедренного сустава, она попросту сгнила. Нога укоротилась на 7 см. Сережа лежал полтора года. Мы уже не надеялись, что будет ходить. И когда он сделал первые шаги, мы плакали. Но из-за укороченной ноги стал искривляться скелет, таз перекосило. Надо вытягивать кость аппаратом Илизарова. Это лечение так дорого, надо 72 297 руб.! Я ухаживаю за сыном (а была портнихой в доме моды), живем на зарплату мужа-прапорщика в 6 тыс. руб. До сих пор выручали друзья, но больше просить некого. *Лариса Симонова, Москва.*

Врач Александр Роскидайло (ЦИТО, Москва): «Сергею крупно не повезло. Кровь разнесла микробы по организму, и в тазобедренном суставе началось воспаление. Ноги мы выправим. Парень месяц проведет в стационаре и полгода дома. Лечение платное. А в 25 лет ему можно будет протезировать сустав».

Светлана Тузбекова, 36 лет, трое детей, безденежье, нужны холодильник и теплая одежда. 13 900 руб.

Уважаемый фонд! Мы с мужем оба работаем, но здесь, в селе, нет работы с приличной зарплатой. Я завскладом гаража с окладом 900 руб., муж был подсобным рабочим, получал копейки, а сейчас нанялся пасти частную скотину. Обещали 3 тыс., да не знаем, заплатят ли. У нас трое сыновей. Двойняшки Эдик и Радик в этом году пошли в первый класс, Олежке пять лет, в садик ходит. Живем в совхозном доме, однокомнатную квартиру перегородили на три части. Есть участок, правда, небольшой. Для продажи на нем овощей не вырастить, а заготовки на зиму делаю. У меня к вам сердечная просьба: не поможете ли купить холодильник? На свои зарплаты ну никак его не купим! А без съестных припасов выжить трудно. Мужички мои быстро растут, их кормить надо. И очень нужны теплые куртки мальчикам. Одежки, что были, сносили, в школу отправить не в чем. *Светлана Тузбекова, Башкирия*

Начальник райсоцзащиты Валентина Калашникова: «Тузбековы живут в совхозе „Родина“. Люди непьющие, трудолюбивые, да что поделаешь: здесь низкие зарплаты, трудно себя обеспечить. Светлана попросила одежду только для детей? Странно. У них с мужем вообще ничего нет. Бедность даже на нашем общем небогатом фоне».

Реквизиты авторов писем и поставщиков услуг есть в фонде

Первому из наших «крестников» успешно пересажена почка

В ночь с 14 на 15 сентября в Российском научном центре хирургии (Москва) пересажена донорская почка 22-летнему Алексею Назарову из Карелии. Оперировал его врач Михаил Кабак, пересадка прошла успешно. Алексей встает, вчера даже выходил гулять. Он ждал этой пересадки больше года. Мог не дождаться, если бы не читатели „Ъ“.

Многие из тех, кто откликнулся на мартовскую публикацию Российского фонда помощи о беде 16-летнего москвича Паши Новикова, все эти месяцы звонят нам в редакцию, переживая за него. У мальчика тяжелый диагноз: дисплазия единственной почки, хроническая почечная недостаточность, терминальная стадия. Требовалась пересадка донорской почки, это стоит $27 тыс. Тогда рассказ о Паше вызвал такой отклик, что появилась возможность оперировать не одного, а четверых. Кроме Паши Новикова в списке оказались Алеша Назаров, Коля Пронин (2 года) и Максим Максимов (18 лет).

Так вот, Паша Новиков жив, все эти месяцы он находится в Российской детской клинической больнице (РДКБ) на гемодиализе и ждет донорской почки. Уже несколько месяцев он первый в очереди, но подходящей для него почки пока нет. Живы и остальные «крестники» наших читателей — Коля Пронин, Максим Максимов. Будем надеяться, что им всем вскоре повезет так же, как Алеше Назарову.

Теперь об остальных ваших откликах.

Оплачено лечение: Вари Геккер (1 год, поражение центральной нервной системы, Москва, 117 363 руб.); Артема Коховича (19 лет, прогрессирующий грудопоясничный сколиоз четвертой степени, 210 960 руб., Якутия); Дани Швыдко (5 лет, врожденный порок сердца, Ставропольский край, операция в НЦ ССХ имени Бакулева, 55 тыс. руб.); Марины Сафоновой (15 лет, гепатит С, 117 500 руб., Воронежская обл.); Ани Лапиной (14 лет, болезнь Шойермана-Мау, 50 тыс. руб., Нижегородская обл.).

Отправлено: 150 тыс. руб. на цефалостат для отделения челюстно-лицевой хирургии РДКБ (полная стоимость цефалостатического датчика — 538 599 руб., недостает еще 388 599 руб.). Московская фирма, пожелавшая остаться неназванной, передала в дар отделению новые телевизор, видеомагнитофон и микроволновую печь; 79 тыс. руб. семье Елены Верховых (погорельцы, двое детей, на стройматериалы, холодильник, мебель, посуду и одежду нужно еще 71 060 руб.); 46 тыс. руб. на лечение Риты Нестеровой (рак, Москва); 62,5 тыс. руб. на препарат «Фактор VII» для Иры Леоновой (14 лет, гемофилия, Северная Осетия, годовой курс лечения стоит 1 272 240 руб., пока удалось собрать 491 075 руб.); 124 750 руб. для Вики Егоровой (4 года, ДЦП, Рязанская обл.); 12 тыс. руб. на покупку одежды и кресла-кровати Валентине Дульцевой (мать-одиночка, Коми-Пермяцкий АО); 61 650 руб. на слуховые аппараты Digifocus SP Лизе Клещеевой (14 лет, двусторонняя тугоухость четвертой степени, Тульская обл.); 3 тыс. руб. и посылка с детскими вещами Светлане Кубасовой (одинокая мать двоих детей, Пермская обл.); четыре посылки Светлане Чумаковой (12 детей, муж — инвалид второй группы, Ставропольский край); по посылке Андрею Батурину (Кемеровская обл.), Ирине Назимовой (Санкт-Петербург), Светлане Образцовой (Оренбургская обл.), Надежде Динейкиной (Ставропольский край); 180 тыс. руб. Оле Вихоревой (12 лет, диабет, Санкт-Петербург).

Помогли: Андрей (США), Татьяна от руководителя (Санкт-Петербург), ОАО «Белон», Андрей Петрович (оба — Новосибирск), Александр Александрович, два Андрея, Николай, Екатерина, две Александры, Елена, Борис, Вячеслав, Мария, четыре Натальи, Юрий, Константин, Елена Смирнова и Людмила Гнесина (фонд «Созидание»), Тата и Илья, Михаил, Римма Георгиевна, Ольга и Руслан, Евгений, Анастасия, Виктория, Светлана, две Татьяны, Владислав, Максим, Денис, Сергей, Ольга Володина и сотрудники продюсерского центра «Леан ТВ», Александр Евгеньевич, Алла и Олег, Евгений и Ольга (все — Москва).

Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года как попытка помочь авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты бедолаги и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась — всего собрано свыше $4,5 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших милиционеров (Самара), 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста». Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; E-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны:(095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).